

Три месяца
под снегом

Жан Жак Норша

Миссия «Надежда Спасения»
Ванкувер

МСМ
Санкт-Петербург
2010

Originally published in English under the title:
THREE MONTHS UNDER THE SNOW
by J. J. Porchat
Original printing or copyright date unknown
Reprinted by Prism Productions
14168 Molly Pitcher Hwy.
Greencastle, PA 17225

© Издание на русском языке. Hope of Salvation Mission, 2010
P. O. Box 5022, Vancouver WA 98668-5022

Порша Ж.

Три месяца под снегом / Пер. с англ. — СПб.: ООО «МСМ», 2010. — 128 с.

ISBN 978-5-903010-23-3

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения издателя.

Примечание издателя

Дорогой читатель!

«Три месяца под снегом» — это не выдуманная история. Обычный школьник вспоминает о том, как вместе с дедушкой оказался в плену горного шале. Находясь в заключении, он вел дневник, чтобы рассказать о спасении от огня, ужасном урагане, волках, болезни дедушки, его последних часах, душераздирающих похоронах и, наконец, спасении. При жизни старик говорил, что Божественное Провидение позаботится о них, и помог Луи обрести понимание и веру.

В дневнике мальчик называет себя Луи Лопра. Следовательно, эту историю написал он, однако на титуле стоит имя французского писателя Жана Жака Порша. Мы полагаем, что дневник с рассказом о приключениях Луи Лопра попал ему в руки, и Жан Жак подготовил его для публикации на французском языке. В дневнике не указан год, когда произошли события, но, должно быть, дневник оказался у писателя в годы его активной творческой работы.

Готовя книгу к печати, мы частично исправили пунктуацию, но в целом сохранили первоначальную структуру предложений и слова автора.

Джонатан Р. Шоуолтер

Введение

Юные друзья, история, представленная вам, имеет необыкновенный заголовок. Тем не менее, это чистая правда. Люди, знакомые с жизнью в горной местности, обитатели которой часто сталкиваются с несчастными случаями, не испытают удивления.

Эта история написана не для развлечения, но как руководство. Мы вкратце опишем местность, где произошли события, а также познакомим вас с тяжелой жизнью трудолюбивых жителей Юрских гор. Благодаря этому повествование станет более понятным и интересным.

Юра — это горная цепь, состоящая из нескольких параллельных цепей, которые начинаются у города Базель в Швейцарии и заканчиваются во Франции, огибая области Ду, Юра и Эн в направлении от северо-северо-востока до юго-юго-запада. Она составляет около ста двадцати пяти миль в длину и тридцать пять-тридцать шесть миль в ширину. Юра вмещает множество долин, и некоторые из ее пиков достигают значительной высоты. Среди них есть знаменитая *Ле Рикуле*, достигающая семи тысяч футов над уровнем моря, а также *Доль* и *Мон-Тандр* — их высота составляет более шести тысяч пятисот футов.

Об этом важно помнить, потому что разница в высоте гор, которые считаются более-менее пригодными для

жизни, в значительной мере определяет температуру атмосферы: она становится холоднее по мере возрастания высоты. Из-за короткого лета растительность кажется довольно скудной. Снег покрывает горные растения очень рано, и некоторые горы такие высокие, что он никогда не сходит с их вершин полностью.

Но каждый год в горах Юры тает снег. Даже на самых высоких вершинах можно увидеть растительность. Кое-где их покрывают величественные леса преимущественно из сосны, а также из бука и дуба, а в других частях образуются прекрасные пастбища, где кормится великолепный скот: быки, овцы и козы. Тем не менее, на этих замечательных горах никто не живет, за исключением пяти месяцев в году, а именно с мая или июня по октябрь.

Как только снег тает и вершины покрываются зеленью, деревни, построенные в долинах или на нижних склонах, посылают свои стада в горы. День, когда они отбывают, отмечается как праздник, хотя бедные пастухи расстаются с семьями на весь теплый сезон, чтобы вести тяжелую, трудную, лишенную каких-либо удобств жизнь. В это время они главным образом питаются молоком, пьют только воду и занимаются откармливанием скота и изготовлением сыра, называемого *fromages de Gruyere*.

У каждого пастуха в горах есть шале, маленький домик, обычно построенный из камня. Его покрывают дощечками ели, которые называют *bardeaux* или *tavillons* (гонт и кровельная дранка). Большие камни, расставленные с определенным промежутком, не дают сильным ветрам их сорвать. Внутри шале разделено на три помещения: хорошо укры-

тый хлеб, в котором ночью прячется скот, узкая прохладная сыродельня, где в кадках из белой древесины хранится молоко, и кухня (она также служит спальней). Бедные пастухи часто обходятся без кровати, довольствуясь соломой. Незменным атрибутом кухни является большой очаг, над которым подвешен огромный котел. В нем подогревают молоко для приготовления сыра.

Все время, пока пастухи остаются в горах, им нечасто удается увидеть людей, кроме редких путешественников, которые туда забредают. Пастухи щедро одаривают их сливками, а взамен получают немного свежего хлеба — исключительный деликатес в этих шале. Тем не менее, они никогда не жалуется на судьбу и не стремятся что-то изменить. Им нравится пребывать в одиночестве и следовать обычаям отцов, выполняя ту же работу и проводя время у старых очагов.

Летняя кампания заканчивается после праздника Святого Дионисия, который отмечается 9 октября. Когда пастухи сходят с гор, это именуется отбытием, но празднуется с большой радостью, потому что они воссоединяются со своими семьями. В деревне пастухов ожидает масса других работ. Горцам остается полагаться только на свои силы, и они обладают многими умениями. Они изготавливают домашнюю утварь, мебель, инструменты, а также вырезают и вытесывают из дерева красивые статуэтки, которые продаются в соседних районах, а потом расходятся по всей Европе.

Во время долгой зимы дети учатся в доме родителей, поскольку школы открыты не всегда. Они собираются вокруг родителей, вместе читают познавательные книги и учатся, развлекаясь, что прививает им интерес к учебе. Один из

юных жителей деревни был настолько смышлен, что мы решили предоставить ему слово, чтобы он рассказал о том, что побудило его отправиться в долгое путешествие, как он нашел средства это осуществить и вместе с дедушкой оказался в плену горного шале.

Юные друзья, мы надеемся, что вам никогда не придется столкнуться со столь суровыми лишениями, но в течение жизни нам часто требуется терпение и смелость. Пример Луи Лопра убедит вас в том, что даже ребенок, поверив в Господа, способен совершить то, что вряд ли можно ожидать в его возрасте.

Вы узнаете о том, что школа лишений часто приносит человеку наибольшую пользу, и божественная благодать так же ясно проявляет себя в неблагоприятных обстоятельствах, как в процветании.

Содержание

Глава 1 34

Почему я решил писать дневник
Задержка в горах
Уход из деревни
Несчастный случай
Разговор
Снежная лавина
Трудности, связанные с возвращением
Уход отца
Жестокие ветры
Бланшетт
Первая ночь
Страх после пробуждения
Дневник
Очаг
Расчистка дороги
Надежда на спасение

Глава 2 48

Спасение от огня
Снег все идет
Средства к существованию
Мебель в шале
Найденная книга
Размышления
Придет ли помощь из деревни?
Страх за отца
Возможность улучшить положение

Глава 3 61

Первые воспоминания
Плетение из соломы
Безнадежное положение

Бланшетт меняет место жительства
План спасения
Расчистка снега
Несчастный случай
Ужасный ураган
Наставления
Угроза удушья
Страшный холод

Глава 4. 75

Бланшетт
Волки
Уныние
Воскресенье в шале
Ограничения в еде
Наставления
Болезнь дедушки
Труба
Полезное изобретение
Запись от имени дедушки
Новое открытие

Глава 5. 91

Ободрение
Необходимость найти занятие
Плетение из соломы
Религиозные размышления
Дедушка не выздоравливает
Мысли о смерти
Попытка сделать сыр

Глава 6. 99

Добрые наставления
Темнота
Серьезные мысли
Деревенская школа
Грусть

Мысли о праздновании Нового года
Подарки дедушки
Утешение
Тревога из-за болезни
Заботливое внимание
Дедушка говорит о смерти
Нетерпение

Глава 7 115

Средства освещения
Последние часы дедушки
Его молитва
Слова на прощание
Отчаяние
Похороны
Обращение
Луи перечитывает дневник

Глава 8 132

Горе
Несчастный случай
Нехватка еды
Страх убить Бланшетт
Решение уйти из шале
Подготовка саней
Дома
Спасение из плена
Объятия
Спуск в деревню
Злоключения отца
Мысли на прощание

Глава 1

22 ноября, 18...

Поскольку, по воле Господа, мы с дедушкой заперты в шале, я собираюсь записывать все, что произойдет с нами в этой тюрьме. Если мы умрем, родственники и друзья будут знать, как мы провели последние дни нашей жизни. Если же Господь проявит милосердие, то дневник сохранит воспоминания о пережитых опасностях и страданиях. Дедушка велел приниматься за работу, чтобы немного скоротать часы, которые, в противном случае, показались бы слишком гнетущими, поскольку мне сложно найти другое занятие. Сначала я расскажу о том, что случилось вчера.

Мы несколько недель ожидали, когда в деревню вернется мой отец. Праздник святого Дионисия прошел, и пастухи вместе со стадами спустились с гор. Только отец так и не появился, и мы спрашивали себя, что его задержало. Мои дяди и тети уговаривали нас не беспокоиться: видимо, на горах еще осталась трава, и отец решил позволить стадам попасться подольше.

Наконец, дедушка тоже встревожился. Он сказал: «Я пойду посмотреть, почему Франсуа задержался.

Подъем мне не повредит. Кто знает, буду ли я способен на это в следующем году?» Затем, посмотрев на меня, он спросил: «Ты пойдешь со мной?»

Я как раз хотел вызваться его сопровождать, потому что мы были неразлучны.

Вскоре мы отправились в путь. Мы медленно поднимались вверх, часто по узким тропинкам, которые тянулись вдоль глубоких обрывов. Когда до шале оставалось около четверти лье, я с любопытством приблизился к крутому уступу. Дедушка, который не раз говорил мне, что это вызывает у него беспокойство, быстро подошел, чтобы схватить меня за руку. У него из-под ноги выскользнул камешек, он оступился и растянул связки, что вызвало острую боль. Спустя несколько минут дедушка встал на ноги. Он надеялся, что боль пройдет. Помогая себе тростью из падуба и опираясь на мое плечо, он с трудом продолжил путь.

Отец очень удивился увидев нас. Он готовился к спуску, и если бы мы подождали еще один день, он вернулся бы в деревню, положив конец нашему беспокойству.

— Отец! — воскликнул он, бросаясь на помощь. — Ты подумал, что произошел несчастный случай?

— Да, мы решили посмотреть, что тебя задержало. Ведь все наши соседи уже вернулись.

— Несколько коров заболело, но они выздоровели. Я собирался послать сегодня вниз Пьера с остатками сыров, а завтра спуститься вместе со стадами.

— Луи, ты очень устал? — спросил меня дедушка.

По тону, которым он задал вопрос, я понял: он что-то задумал, и отвечал неопределенно.

— Я считаю, — продолжил дедушка, — что будет гораздо разумнее послать мальчика с Пьером. За последние полчаса ветер изменил направление. Возможно, сегодня вечером разыграется непогода.

Мой отец также опасался этого. Он просил меня последовать совету дедушки.

— Если хочешь, — сказал дедушка, — я пойду с тобой. Но мне нужно немного отдохнуть.

— Лучше я подожду тебя, — сказал я отцу, обнимая его.

Дедушка будет отдыхать всю ночь, потому что из-за моего непослушания он повредил ногу, — я имел в виду случай, произошедший неподалеку от шале. Мы решили, что вместе спустимся на следующий день. То есть, мы должны были спуститься вчера.

На огне стоял горшок. Отец заметил, как нетерпеливо я на него смотрю. Он угостил нас молочным супом с пшеном. Мы, словно солдаты, ели из одной миски. После этого я лег спать. Я заснул, не прислушиваясь к разговору между отцом и дедушкой, которые после ужина долго беседовали о чем-то приглушенными голосами.

На следующий день я с удивлением увидел, что гора совершенно белая. Снег падал большими хлопьями, которые разносил сильный ветер. Это позабавило бы

меня, если бы я не заметил, как забеспокоились мои родственники. Мне самому стало не по себе, когда я обратил внимание, что дедушка, чтобы пройти пару шагов, хватается за мебель и опирается на стены. Из-за вчерашнего несчастного случая его нога распухла, и ему было очень больно.

— Идите, идите, — сказал он. — Уводи ребенка, пока дорогу не завалило снегом. Ты же видишь, я не могу пойти с вами.

— Отец, неужели ты думаешь, что я оставлю тебя здесь?

— Сначала позаботься о сыне и стаде, а потом подумаешь обо мне. Вернешься с носилками и заберешь меня.

— Отец, я понесу тебя на спине. Умоляю, пойдем быстрее, не будем медлить.

— Сынок, как же ты с таким грузом сумеешь повести за собой сына и стадо?

Так прошла большая часть дня. Мы так ничего и не решили, надеясь, что из дома придет помощь. Потом я сказал, что достаточно взрослый, чтобы идти самостоятельно и помогать отцу вести стадо. Бесполезно. Дедушка настаивал на своем решении. Он не хотел подвергать нас опасности и становиться обузой.

Отец горячо и даже сердито его упрасивал. Я плакал. Наконец, они прекратили спорить, и, надо сказать, во многом из-за моего вмешательства.

Я сказал отцу:

— Давай я тоже останусь в шале. Ты быстрее придешь домой, а потом приведешь помощников, чтобы спустить нас обратно. Нужно, чтобы кто-нибудь присматривал за дедушкой и развлекал его. Этим я отблагодарю его за доброту. Мы будем заботиться друг о друге, а Бог позаботится о нас обоих.

— Мальчик прав, — заметил дедушка. — Снега навалило много, и ветер такой суровый... Мне кажется, ему опаснее идти с тобой, чем остаться в шале. Вот, Франсуа, возьми мою трость. Она очень крепкая, с железным наконечником. Она поможет тебе спуститься, как помогла мне подняться. Выводи коров из хлева, а нам оставь козу и провизию. Я больше беспокоюсь о тебе, чем о нас.

Отец на секунду призадумался. Вдруг он поднял глаза и крепко меня обнял. Я почувствовал на щеках его слезы.

— Я не буду тебя бранить, мой дорогой Луи, но ты видишь последствия непослушания. Пообещай больше так не делать. Бог predetermined то, что с нами сейчас происходит. Должен признаться, что ни я, ни твой дедушка не предвидели затруднительного положения, в котором оказались. Если бы вчера вечером мы знали о том, что произойдет сегодня, Пьер отвел бы дедушку вниз.

Когда я увидел, что отец готовится уходить, то дал ему красивую бутылку в плетеной корзинке. В ней было немного вина, которым я подкреплялся вчера.

— Возьми, — сказал я ему. — Тебе оно нужнее, чем нам. Ты знаешь, что моя бедная мать дала мне вино, когда я впервые собирался к тебе в горы. Я рад, что оно сослужит службу в тяжелую минуту.

— Мари! — с чувством воскликнул отец. — Ее больше нет с нами.

Он снова сжал меня в объятиях, вспоминая о той, которая больше не ласкала меня.

Мы вывели стадо. Казалось, животные были очень удивлены, увидев, что земля покрыта снегом. Несколько коров вышли из стада и начали бегать вокруг шале. Нам удалось вернуть их на место, и через несколько минут отец вместе со стадом исчез в густых облаках снега.

Их больше не было видно, но дедушка словно следил за ними взглядом. Он молча облокотился на окно. Его губы шевелились, он сжимал руки и поднимал глаза к небу. Это напомнило мне о долге, и я присоединился к его молитвам, вверяя отца заботе Господа. Некоторое время мы молились. Ветер усиливался. Нас окружали густые облака. Внезапно стало темно, хотя деревянные часы показывали, что сейчас всего три часа дня.

— Господи, пощади его! — вскричал дедушка. — Впрочем, он, должно быть, вошел сейчас в лес, и смерть обойдет его стороной. Наверняка отец сильно беспокоится о нас.

Мы были так поглощены тревогами, что даже не подумали о том, чтобы поесть. Я был очень голоден. Я обратил внимание дедушки на бляение козы.

— Бедная Бланшетт! — сказал он. — Ее не подоили, и она зовет нас. Зажги лампу. Мы подоим ее, а потом приготовим ужин.

— И завтрак тоже, дедушка!

Он улыбнулся, и в свете лампы я увидел, что он немного успокоился. Это ободрило меня. Однако ветер завывал очень громко. Он налетал на гонт, который дрожал под его порывами. Мы даже опасались, что он унесет крышу шале. Я несколько раз задираю вверх голову.

— Ничего не бойся! — говорил дедушка. — Этот дом не раз выдерживал подобный натиск. На гонте стоят большие камни, а крыша почти плоская, так что вряд ли ветер ее поднимет.

Он показал мне, чтобы я шел перед ним, и мы вошли в хлев.

Когда коза нас увидела, то заблеяла еще громче. Она чуть не порвала веревку, стараясь добраться до нас. Как жадно она поглощала горсть соли, которую я принес! Она снова и снова лизала мою руку, боясь упустить хотя бы крупинку. Мы надоили много молока. Мне очень хотелось его попробовать. Когда мы вернулись на кухню, дедушка сказал:

— Мы не должны забывать о Бланшетт. Надо доить ее утром и вечером. От нее зависит наша жизнь.

— Ты думаешь, — спросил я, — что мы останемся здесь надолго?

— Возможно. Этого никто не знает. Нужно надеяться на лучшее, но принимать предосторожности и готовиться к худшему.

После ужина я вышел и наполнил кормушку нашей козы, а также бросил свежей соломы, чтобы ей было теплее. Я принялся ее гладить — куда ласковее, чем прежде. Она тоже, кажется, была рада меня видеть. Козы любят компанию, а она, бедняжка, осталась в хлеву одна. Увидев, что я возвращаюсь на кухню, она жалобно заблеяла.

Несколько минут мы сидели у огня. Но нам было совсем не так уютно, как в нашем доме на равнине. Камин был огромным, словно комната. Вверху он сужался, но отверстие на крыше было таким большим, что внутрь влетал снег, подгоняемый суровым ветром, и это вызывало у нас тревогу. Снег неприятно шипел, тая в огне, и нам постоянно приходилось стряхивать снежинки, которые оказывались у нас на одежде.

— Видишь, мой мальчик, — сказал дедушка, — сегодня мы не согреемся, разве что в своих постелях. Давай укроемся там, чтобы снег не добрался до нашего убежища. Завтра мы спрячемся от него в комнате с камином. Помолимся Богу и будем искать защиты у нашего Господа и Спасителя. Он везде — на горе и в долине. Даже те места, которые покрывает в сто раз более толстый слой снега, и то не ускользают от Его взора. Он

видит, как мы воздеваем руки, слышит слабое дыхание. О Господи, Ты нас не покинул, и мы без страха уснем под сенью Твоих крыл.

Слова дедушки произвели на меня большое впечатление. Я никогда не молился так истово, как вчера вечером.

Когда я проснулся утром, то увидел, что меня окружает полная темнота. Сначала я решил, что проснулся раньше, чем обычно. Однако я услышал, что дедушка ходит по дому, и потер глаза, но лучше видеть не стал.

— Дедушка, — позвал я. — Ты проснулся еще до рассвета!

— Мой милый мальчик, — ответил он, — если бы мы ждали восхода солнца, нам бы пришлось провести в постели долгое время. Боюсь, окно завалило снегом.

Я закричал от ужаса и выскочил из постели. Я быстро зажег лампу, и вскоре мы обнаружили, что дедушка не ошибся.

— Но ветер успокоился, — добавил он. — Возможно, он нанес снег только с этой части дома, а с другой стороны он возвышается не больше, чем на два фута.

— И тогда нас спасут.

— Надеюсь. Но помни пословицу: на Бога надейся, а сам не плошай. Предположим, Он пожелал, чтобы некоторое время мы оставались здесь. Давай подумаем, чем мы располагаем, и, выяснив это, будем бережно расходовать наши богатства.

Несомненно, наступил новый день. Часы пробили семь. К счастью, я не забыл завести их вчера вечером. Нам нужно неукоснительно выполнять эту предосторожность. Всегда приятно знать, сколько сейчас времени. Мы должны пунктуально ухаживать за Бланшетт.

Так начался грустный и трудный день. Я больше не могу держать ручку. Дедушка говорит, что лучше оставить описание других событий на завтра.

23 ноября

Если ничего не изменится, я вряд ли смогу каждый вечер описывать то, что произошло за целый день. В школе меня хвалили за короткие сочинения. Теперь мне сложно выразить все, что я думаю и чувствую, особенно в письменном виде. Но я постараюсь. Если другие люди когда-то прочитают эти страницы, пусть они помнят о том, что их нашли в шале, и писал их школьник.

Вчера вечером мы обнаружили, что замперты еще прочнее, чем позавчера. Нам стало очень грустно. Однако мы не забыли позавтракать и подоить козу. Когда дедушка занимался этим, я внимательно за ним наблюдал.

— Правильно делаешь, — заметил он. — Ты должен учиться, чтобы заменить меня. Как видишь, мне трудно нагибаться, выполняя эту работу. Попробуй, сумеешь ли ты сам ее подоить?

Спустя некоторое время мне удалось выдавить несколько капель молока, но, боюсь, я причинил боль на-

шей кормилице, потому что она стала пятиться и чуть не перевернула доильное ведро. С тех пор я повторял попытки дважды — вчера вечером и сегодня утром, и у меня стало получаться лучше.

После завтрака мы осмотрели шале, чтобы узнать, какие полезные припасы в нем остались. Я составлю список завтра, потому что, боюсь, вынужден остановиться, как вчера.

Когда мы подсчитали товары и инструменты, которые находились в нашем распоряжении, нам захотелось узнать, какая установилась погода. Я залез под вытяжную трубу, чтобы посмотреть в единственное отверстие в шале, которое не было завалено снегом. Вскоре за снежными хлопьями я увидел сияющее в вышине солнце. Я рассказал об этом дедушке. Нам было легко определить толщину слоя снега, потому что над крышей у дымовой трубы не было колпака. Она представляла собой дыру, словно на сеновале.

— Если бы у нас была лестница, — сказал дедушка, — ты мог бы залезть на нее и отвязать люк, который недавно поставил туда твой отец. Он говорил мне, что таким образом хотел защитить себя от холода и дождя, пока чинит дымовую трубу. После продувки она в плохом состоянии.

— Если бы труба была уже, — ответил я, — мне бы не понадобилась лестница. Я бы поднялся по ней, как трубочист.

Несколько минут мы были в раздумьях. Вдруг дедушка вспомнил, что видел в коровнике длинную еловую жердь. Я захлопал в ладоши от радости.

— То, что надо! — воскликнул я. — Мне не раз приходилось карабкаться по деревьям, ствол которых был такой же ширины. На жерди осталась кора, и мне будет легче по ней залезть.

Но еще нужно вставить ее в дымоход, а это не так-то просто. К счастью, вход был широким и высоким, и нам удалось довести дело до конца, чему способствовала гибкость дерева.

Я приступил к работе, обвязав туловище веревкой, чтобы поднять наверх лопату. Я сделал это, помогая себе руками и ногами. Взобравшись на крышу, я прислонился к стене и стал освобождать себе место, раскапывая снег. Оказалось, глубина сугробов составляет три фута. Вокруг шале они были еще глубже. Ветер сваливал снег в сугробы. За короткое время его высыпало огромное множество.

Вокруг шале не было видно ничего, кроме белого ковра. Сосновый лес, который окружал долину и виднелся вдали, также побелел. Чернели только стволы деревьев. Несколько из них сломались под тяжестью снега. Я видел крупные ветки и даже стволы, разломанные в щепки.

В этот момент с севера подул ледяной ветер. Темные облака, которые он нес вперед, время от времени рас-

ходились, и оттуда вырывались солнечные лучи. На снегу отражался ослепительный свет, резкий, как стрела.

Я с трудом рассказал дедушке о том, что видел, поэтому что ооченел от холода. Он заметил, что у меня стучат зубы. Дедушка велел мне как можно быстрее расчистить люк, убрав от дымовой трубы снег. Работа заняла много времени. Было нелегко, зато я согрелся. Я выполнил указание дедушки и заменил веревку в барабане, чтобы люк можно было открыть, потянув за нее. Если веревку отпускали, люк захлопывался под собственным весом. Вербка проходила через дымоход и держалась в полу при помощи специальных отверстий. Мы несколько раз проверили, удался ли наш эксперимент. Потом я спустился — это оказалось куда легче, чем подняться.

Моя одежда промокла, а другой не было. Мы зажгли яркий костер из еловых веток и шишек, а затем опустили люк, оставив узкую щель для дыма, и провели большую часть дня в комнате с очагом, где не было никакого источника света, кроме огня. У нас осталось немного масла, а ведь мы вряд ли скоро покинем нашу тюрьму. Поэтому мы стали зажигать лампу только тогда, когда приходило время доить козу.

Было очень непривычно и грустно проводить день таким образом. Но, думаю, часы не казались бы столь долгими, если бы мы не надеялись на спасение. Я все время думал, что кто-нибудь скоро придет нам на помощь.

Я взбирался на крышу, чтобы увидеть, не идут ли спасатели, и донимал вопросами дедушку. Он отвечал, что надеется на то, что отец в целости и сохранности добрался домой. Видимо, дело в том, что по дорогам сейчас пройти невозможно, а тропинки завалены снегом.

Наконец, полностью закрыв отверстие дымохода, мы легли спать, надеясь, что сегодня нас вызволят из плена. Увы! Утром мы обнаружили, что в настоящее время это практически невозможно. Похоже, снег шел всю ночь. Мы с трудом открыли люк. Наконец, мне это удалось, и мы развели огонь. Я увидел, что слой снега стал на два фута больше. Дедушка говорит, чтобы я не надеялся выйти из заточения раньше наступления весны. Но больше всего меня беспокоит не собственное заключение, а опасности, с которыми встретился отец. Если ему удалось их избежать, он, должно быть, страшно тревожится за нас.

Прошлой весной я поднимался сюда, чтобы провести с ним несколько дней. Я принес перья, чернила и бумагу, потому что отец не хотел, чтобы я бездельничал, пока не посещаю школу. Покидая шале, я собирался забрать остатки письменных принадлежностей, но он предложил:

— Оставь в шкафу — на следующий год они будут в целости и сохранности.

Вот откуда взялась бумага и перья, которыми я сейчас пишу.